

DOI: 10.15372/PNE20180302

УДК 13+17+37

ИНВЕРСИЯ И ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ: ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА, ПАТРИОТИЗМ

С. И. Черных (Новосибирск, Россия)

Введение. В статье рассматривается понятие патриотизма и его роль в менталитете современного российского общества, а также статус патриотизма в системе общественных ценностей.

Методология и методика исследования. Ценности, присущие любому обществу, образуют иерархическую систему. Деление ценностей в этой иерархии на высшие и низшие обусловлено определенными формами различий между ними. Высшими могут считаться просоциальные ценности, способствующие сохранению и развитию общества. Однако на практике высшими ценностями часто считаются те, которые просто разделяются большинством и формируются образовательными практиками. В этом случае возможно, что просоциальные ценности окажутся оттесненными на второй план. В результате этого формируется инверсия ценностей.

Результаты исследования. Анализ инверсии показывает, что именно просоциальные ценности должны лежать в основе формирования иерархии ценностей конкретного общества, но сегодня это все чаще не подтверждается. В дискурсе изучения патриотизма как социального феномена высшей ценностью следует признать отечественную культуру, воспринимаемую через воспитание и образование. Пока существует культура, существует и общество. Однако встречается и ложное понимание патриотизма как проявления ксенофобии. Помимо этого патриотизм часто оказывается частью навязываемой государством идеологии. Некоторые авторы вообще представляют патриотизм в виде отжившего и ненужного понятия в современном мире.

Заключение. В статье показаны несостоятельность таких подходов, роль образования и культуры в процессе формирования патриотизма как просоциальной ценности.

Ключевые слова: социальная система, патриотизм, иерархия ценностей, инверсия, образование.

© Черных С. И., 2018

Сергей Иванович Черных – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный аграрный университет.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6644-8295>

E-mail: 2chernyx@mail.ru

Sergei I. Chernykh – Doctor of Philosophical Sciences, associate professor, Head of the Chair of Philosophy, Novosibirsk State Agrarian University.

INVERSION AND HIERARCHY OF VALUES: EDUCATION, CULTURE, PATRIOTISM

S. I. Chernykh (Novosibirsk, Russia)

Introduction. The paper discusses the concept of patriotism and its role in the mentality of modern Russian society, as well as the status of patriotism in the system of social values.

Methodology and methods of the research. The values inherent in any society form a hierarchical system. The division of values in this hierarchy into higher and lower ones is due to certain forms of differences between them. Pro-social values that contribute to the preservation and development of the society can be considered as the higher ones. In practice, however, the higher values are often those that are simply shared by the majority and shaped by educational practices. In this case, it is possible that the pro-social values will be pushed to the wayside. The result is the inversion of values.

Results of the research. Analysis of this inversion shows that pro-social values should be the basis for the formation of the hierarchy of values of a particular society, but today it is increasingly not confirmed. In the discourse of studying patriotism as a social phenomenon, national culture, perceived through education and training, should be recognized as the highest value. The value of national culture is mentally so high that it is even possible to sacrifice life to preserve it. It is confirmed by the historical process that as long as there is culture, there is society. Today, however, a false understanding of patriotism as xenophobia is spreading more and more. In addition, patriotism is often a part of ideology imposed by the state. Some authors even consider patriotism as an outdated and unnecessary concept in the modern world. The present paper shows the failure of such approaches.

Keywords: social system, patriotism, hierarchy of values, inversion, education.

Введение. Патриотизм в последние годы стал одним из наиболее обсуждаемых понятий в отечественном публичном и научном пространстве. Причины этого будут рассматриваться ниже. Однако сразу можно отметить, что повышенное внимание к патриотической теме следует рассматривать как положительный знак хотя бы уже в силу того, что в нем можно видеть свидетельство формирования жизнеспособного гражданского общества.

По своему содержанию патриотизм, несомненно, должен рассматриваться как понятие прежде всего аксиологическое, поскольку очевидно его непосредственное отношение к ценностной структуре как отдельного субъекта, так и общества в целом. Еще со времен существования античных полисов патриотизму отводилось главное место в системе нравственных обязанностей членов общества [1]. Современными авторами проведен подробный смысловой анализ термина «патриотизм». По мнению А. А. Лебедева и Л. А. Кохановой, «обретение комплекса общих представлений о целях, способах развития гражданского общества и государства, его будущем является

выражением внутреннего самосознания общества в целом. И такие составляющие понятия «патриотизм», как любовь к Отчизне, признание некой общей идеи существования страны, общей цели ее развития являются априорно присущими любой здоровой нации [2; 3]. Являясь ценностно-психологическим понятием, патриотизм занимает соответствующее, вполне определенное место в иерархии общественных и индивидуальных ценностей. Поэтому, рассматривая патриотизм и анализируя его место применительно к современной ситуации в обществе, следует опираться на общие представления о структуре и системе ценностей. Автор статьи делает попытку собственной рефлексии по поводу изменения статуса патриотизма в менталитете российского общества на основании его анализа и как ценностного понятия.

Методология и методика исследования. Система ценностей имеет ряд общесистемных закономерностей. Поэтому есть смысл прежде всего рассмотреть эти общие закономерности, общетеоретические моменты, чтобы не делать ошибок при анализе интересующих нас частных случаев. Таков общий порядок научного анализа практически любой проблемы, поэтому возможно повторение уже известного.

Первым делом, дабы избежать терминологической путаницы, следует развести широко распространенные понятия «структура» и «система». Структура представляет собой внутреннюю организацию системы, ее стабильное устройство. Системе в целом присуща динамика, представляющая угрозу нарушением установившегося порядка. Структура олицетворяет собой собственный порядок в системе, который, напротив, статичен. Изначально никакая система не обладает стабильной внутренней структурой, и, напротив, системы с солидным стажем существования имеют разветвленную и стабильную структуру, которая, однако, способна лишить систему гибкости, способности оперативно реагировать на внешние изменения. В полной мере это касается и структуры ценностей. В старых культурных сообществах получают большое распространение стереотипы, клише, устоявшиеся представления, мыслительные и речевые штампы, которые, с одной стороны, в известной мере облегчают оценку реальности, позволяя относить вновь возникающие явления к уже выстроенной схеме категорий. С другой стороны, они же в значительной мере препятствуют дальнейшему прогрессивному развитию. Не подлежит сомнению то, что экосистемы космополитизма, мультикультурализма и глобализационного менталитета радикальным способом отличаются от систем национализма и национального менталитета.

Важнейший вопрос, который лежит в основе их противоречивого существования, таков: можем ли мы считать понятие «патриотизм» уже отжившим, создающим помехи ценностным клише, или же, напротив, обращение к патриотическим ценностям несет в себе семена прогресса,

а не упадка? Актуален ли патриотизм теперь, в условиях реально происходящей глобализации, когда в представлении многих гражданство становится в известной мере формальностью, а все большее количество людей начинают воспринимать себя как «граждан мира», а не как подданных какой-либо одной, отдельно взятой страны? Этот вопрос в настоящее время подвергается широкому общественному обсуждению как в публицистике, так и в научной литературе [4; 5]. Крайняя позиция в обсуждении патриотизма как ценностно-психологического феномена граничит с его отрицанием. «К сожалению, как и религия, патриотизм уже слишком сильно вписался в обыденную жизнь обывателя, и большинство из нас так и не поймут – (что – *Авт.*) нет никакого патриотизма. Придумано это все. Не существует его просто, он выдумка, созданная для управления стадом, он – фикция, и все тут». Это высказывание Льва Антоновича Лебедева, протоиерея Русской Православной церкви за рубежом, выпускника исторического факультета МГУ и Московской духовной семинарии, духовного наставника объединения «Казачи Черноземья», размещенное в журнале «Самиздат» [6].

Проблема осложняется тем, что любая социальная система (и российское общество тут не исключение) есть в большей мере система искусственная, то есть в известном смысле искусственная, созданная людьми, из людей и для людей. В отличие от чисто природных, «естественных» систем социальные системы могут изменяться не только спонтанно, под влиянием слепых законов системного функционирования, но и произвольным образом, путем составления и осуществления некоторой модели потребного будущего. И потому ценностно-ориентационная деятельность касается не только прошлого и настоящего, она настоятельно необходима при формировании этого потребного будущего, еще на стадии составления проектного замысла [7; 8]. То же самое касается и системы ценностей. Будучи производной по отношению к собственно социальной системе (обществу), она также в значительной мере формируется искусственно, благодаря сознательным намерениям и осознанной ценностно-ориентационной деятельности заинтересованных лиц (и при весьма серьезном, а нередко даже решающем «стихийном» течении этого процесса).

Обратимся снова к общесистемным закономерностям, знание которых настоятельно необходимо хотя бы для того, чтобы ценностно-ориентационная деятельность была упорядоченной и эффективной. Для этого придется сделать значительное отступление от темы патриотизма, с тем, чтобы потом уже «во всеоружии» к ней вернуться.

Говоря о любой системе, в том числе и системе ценностей, мы в любом случае имеем дело с системой иерархической. Иерархия способна принимать массу разнообразных конкретных форм. Однако в любой сис-

теме, составленной из каких угодно элементов, мы находим между этими элементами различные формы неравенства, вследствие чего в ней обнаруживается их иерархическое устройство. Даже одинаковые во всех других отношениях элементы и каждый определенный момент времени оказываются в системе в неравном положении. Что же тогда говорить об иерархии ценностей, где само понятие какого бы то ни было равенства элементов, несомненно, есть совершенный нонсенс.

Различия между элементами в иерархии могут быть многосторонними, многоплановыми. На них, собственно, она и строится. Значимых различий в любой реальной иерархии, как правило, несколько. Будем считать установленным, что простые иерархии (построенные на единственном различии) представляют собой скорее условность, допущение. В реальных же системах действует всегда множество подобных различий. Можно поставить знак равенства между понятием «реальная система» и «сложная система». Во всяком случае целостная система именно такова. В дополнение к сказанному следует отметить, что эти системообразующие различия в системе неравноправны: некоторые из них важны, другие второстепенны, о третьих стоит вспоминать разве только для полноты изложения. Иными словами, из этих формальных различий тоже выстраивается иерархия. В социальных иерархиях определение взаимной значимости подобных различий и есть результат ценностно-ориентационной деятельности.

Какие же значимые различия действуют в системе ценностей? Прежде всего ценности различаются по уровню своей просоциальности: ценность должна поддерживать социальные отношения в той человеческой общности, в которой она проявляется. Иными словами, согласно этому принципу ценность тем выше располагается в иерархии, чем более она просоциальна. Ценность есть принадлежность личности, но в теории это абстракция, отражающая некое качество, присущее человеку как обществу существу. «Рождение» ценностей связано со свойством людей передавать и сохранять информацию, полученную от других людей, это же свойство делает нас разумными. У животных ценностей (в нашем понимании) нет. Как известно, 99 % (если не больше) того, что содержится в голове любого человека – не есть результат его собственной мыслительной деятельности, это информация, полученная от других людей. Даже язык, на котором говорим и думаем, мы в процессе развития и воспитания переняли от других людей. Точно так же от других людей мы получаем все достояние прежней и современной культуры. Распад социальной общности, в которой бытуют те или иные ценности, приводит к тому, что и само понятие ценностей оказывается утраченным. То, что не утрачивается и составляет основание «нового» общества и «его»

культуры, поэтому культуру (как, впрочем, и язык) можно назвать «вербализированной памятью», которая ярко «окрашена» ценностями и сама по себе субстанциональна как «переходящая ценность». На этом основании, по всей видимости, высшей ценностью, которая может быть доступна человеку, осознана и защищается им, и следует считать культуру. Новаль Юй Харари в своей работе «Sapiens. Краткая история человечества» называет культуру «сетью искусственно прививаемых инстинктов», утверждает ее «непрерывный динамизм» и квалифицирует ее основную функцию как «снятие противоречий», порождаемых «установленным человеком порядком» [9, с. 201–202]. Развивая этот концепт, можно предположить, что патриотизм есть не что иное, как «искусственно прививаемый инстинкт», основным назначением которого является защита культуры. То есть защита собственной культуры через осознанное отнесение ее к просоциальным ценностям есть важнейшее (если не основное) проявление патриотизма. Отметим, что осознание такого высокого уровня возможно только через соответствующие образовательные и воспитательные практики. Это первый вывод, который может быть сделан.

Результаты исследования. Эксплицированная культура разных наций является разной по масштабу и действительному значению. Нам, родившимся в России, исключительно повезло: русская культура относится к категории великих, системосозидающих мировых культур. Что нам дает основание утверждать наличие разницы между великой культурой и, скажем, культурой локальной? Локальная культура, претендующая на самостоятельное существование в окружении других, более мощных культур, пусть даже и в состоянии изоляции, ежесекундно пребывает под угрозой ассимиляции и поглощения. Представителям же великой культуры незачем «дрожать» за сохранение своей идентичности, хотя бороться за нее необходимо. Напротив, они способны этой идентичностью делиться, а местное разнообразие культур воспринимать не как угрозу, а как источник культурного обогащения, кооперации, интеграции. Для всех народов, населяющих Россию, приобщение именно к русской культуре (при всей ценности и многообразии местных, локальных культур) становится воротами в большой мир. Особенно наглядным это явление стало там, где данная возможность оказалась утраченной – в бывших союзных республиках, отделившихся в период распада СССР. Приведем пример. В Грузинской ССР был великолепный кинематограф [10]. Для грузинских фильмов, озвученных по-русски, аудиторией был весь огромный Советский Союз. Известно было грузинское кино и за его пределами. Всего, как известно, студия «Грузия-фильм» сняла около 1 200 лент, среди которых выделяются такие несомненные

шедевры, как «Отец солдата» режиссера Резо Чхеидзе (1964) или такой весьма масштабный для своего времени фантастический проект, как «Тайна двух океанов» Константина Пипинашвили (1957). При этом грузинское кино, хотя в нем и говорили в основном по-русски, оставалось грузинским. Каково же теперь, в период независимости Грузии, культурное значение грузинского кино? Очевидно, это значение уменьшилось многократно и стало исчезающе малой величиной. То же самое можно сказать и о кинематографе прибалтийских республик, об их литературе и о многом другом. Изолировавшаяся в ограниченном, местечковом патриотизме/национализме локальная культура обречена на вымирание. Поэтому второй вывод состоит в том, что не бывает «патриотизма вообще». Проявление патриотизма, его созидательность или деструктивность находятся в зависимости от культурно-исторического контекста.

Патриотизм как ценность не является ценностью безусловной. Это определяется его динамизмом. Структурный анализ позволил выдвинуть две патриотические оппозиции рассмотрения патриотизма как ценности. Первая из них базируется на пересмотре иерархии значимых тенденций/различий в системе ценностей, о которых выше уже шла речь. В ней актуализированы аксиологические различия, которые не предусматривают приоритетности патриотических ценностей как социальных. Примером этого может быть этика универсализма. Она отвергает изначальный приоритет указанного выше фундаментального принципа сохранения национальной идентичности, ориентированного на единство социальной общности, поскольку любая частная социальная общность, не равная всему человечеству, рассматривается в ней лишь как условность. Так, Карл Поппер, книга которого («Открытое общество и его враги») представляет собой своего рода библию современных глобалистов, утверждает, что принцип национального государства неприменим в современном мире [11] (а написано это было еще до завершения Второй мировой войны). Эрих Фромм в своем известном произведении «Бегство от свободы» пишет о том, что и любовь, и долг, и совесть, и патриотизм зачастую используются для рационализации разрушительных тенденций, для маскировки разрушения самого себя и других людей [12]. Однако для того, чтобы данные понятия использовались в дискурсе рационализации чего бы то ни было, они уже должны существовать и быть значимыми.

Вторая тенденция реализуется в том случае, когда в обществе просоциальные ценности вынуждены отступить под натиском ценностей сугубо индивидуальных, связанных, например, с гедонистическим отношением к жизни; в этом случае наблюдается инверсия ценностей, угро-

жающая обществу атомизацией и распадом [13]. Нет нужды говорить, что в реальности эти две тенденции способны сосуществовать, хотя и не всегда мирно.

Сегодня, в условиях глобализации, искусственно культивируется третья оппозиция – превратно понимаемый патриотизм, который актуализирует в своем содержании не любовь к своему отечеству, а ненависть к некоему коллективному или персонифицированному врагу. Подобный вариант превращенного патриотизма мы можем наблюдать в современной Украине. Активно настроенные радикалы видят «искусственность» такого патриотизма в том, что «если успехов нет, а власть надо удержать любыми средствами, то без блефа и запугивания не обойтись». Д. Орешкин, анализируя онтологические основания таким образом формируемого патриотизма, но уже в применении к России, пишет: «Удерживать расплзающуюся посконно-пестрядинную ткань “русского” (на самом деле псевдосоветского) мира удастся лишь благодаря заполошной пропаганде, вливанию немереных денег в новые “черные дыры” (что на фоне экономической стагнации нелегко) и затыканию ртов с помощью террора. Гибридного, конечно: чужими руками» (например экстремистов. – *Авт.*) [14].

Сегодня у подавляющего большинства людей патриотизм проявляется как форма эмоционального отношения. Он представляет собой одно из наиболее сильных и стойких проявлений продуктивной любви, доступной человеку и в ряду подобных проявлений ближе всего располагается к детско-родительским архетипическим отношениям. Действительно, издревле принято считать Родину (а ранее просто родную землю) материнской фигурой; уподобление земли, рождающей хлеб, и женщины, рождающей человека [15]. Наиболее наглядными выражениями материнской персонификации Родины стали визуальные символы Великой Отечественной войны – известный плакат Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовет!» (1941) и не менее известная грандиозная статуя скульптора Е. В. Вучетича (под тем же названием – «Родина-мать») на Мамаевом кургане в Волгограде (1967). Подобная любовь в современном мире рассматривается как величайшая культурная ценность [16]. Любовь к Родине представляет собой пример необусловленной любви: Родину, как и собственную мать, любят не «за что-то», а просто по факту ее существования, безотносительно к ее конкретным свойствам. Любовь направлена на целостный образ, который может включать в себя множество отдельных проявлений, но воспринимается как тотальная имманентная целостность. Это и есть просоциальная ценность. Очень часто эмоциональный эффект патриотизма как просоциальной ценности реализуется на основе коллективного действия и носит рефлексивный ха-

рактик (спортивные соревнования и рефлексивное национальное единство через осознание побед или поражений). Однако и в детско-родительских отношениях, и в отношениях с Отечеством имеются отступления от этой максимы, которые обусловлены недостаточностью воспитания/образования: претензии типа «За что я должен любить родителей, если они не в состоянии обеспечить мне достойное будущее?» или «Что мне реально дала эта страна?». Констатируя это, Э. Фромм в работе «Искусство любить» пишет о том, что любовь включает в себе не обладание, а «акт давания» [17]. И действительно: логика обусловленной любви с обеих сторон: как со стороны Родины, страны, общества, семьи, так и со стороны отдельного их представителя, предусматривает свойство ненасыщаемости потребностей. «Жизнь за царя» превращается в императив, задача государства – формирование всесторонне развитой личности – тоже. Как определить, кто, сколько и чего должен дать, чтобы любовь была взаимно осознанной и деятельной? Субъективность этой меры в своей рефлексивности есть инстинкт, формируемый социумом в различных организационных формах, однако основные – это воспитание и образование.

Сегодня многие нигилистически оценивают патриотический дискурс в России [18; 19]. Некоторые говорят о недостаточности и несостоятельности патриотических ценностей; некоторые объясняют деструкцию патриотизма ослаблением воспитательных и образовательных практик; многие говорят о пагубном влиянии глобализационных процессов и т. д. Однако все явственнее просматривается тенденция к пониманию того, что инверсия в иерархии ценностей как системной основы воспитания и образования все более деформирует их. «Интеллектуальный исход», виртуализация сознания и активности, нравственный коллапс поколения «Z» – проявления фактической инверсии. Патриотизм из преимущественно общественно-политического феномена превращается в социально-психологический феномен. Он уже не обеспечивает групповую сплоченность по признаку национальной идентичности (даже в исламских государственных образованиях). Акцент в сторону психологизма «опускает патриотизм до уровня рефлексии отдельного индивида, тем самым неизмеримо повышая его личную ответственность/безответственность в принятии/непринятии его (патриотизма) как реальной ценности, а не «нерефлексируемой абстракции». С другой стороны, подобная ситуация ставит перед системой воспитания-образования крайне сложные задачи, отказаться от решения которых также невозможно, как и позитивно решить их. Таким образом уровень инверсии еще более возрастает, что угрожает разрушением всей социальной системе.

Что необходимо разрушать в существующей социальной системе? Писатель Платон Беседин считает необходимым разрушать матрицу, сформированную для людей, выросших в культуре потребления. «И когда я говорю “поколение шлюх”, то, безусловно, имею в виду не возрастное поколение, а поколение мировоззренческое, ценностное. Это люди, сформированные определенной матрицей. Это люди, выросшие в культуре потребления с одной мыслью: “Все ради успеха. Любыми методами. Любыми способами. Продавай и продавайся”. И когда я пишу об этом статью, то меньше всего хочу, чтобы осуждали жертв (часто с их согласия, правда) данной матрицы. Гораздо важнее уничтожить эту матрицу. Но для начала надо признать ее существование, что, судя по реакции на мой текст, делать не захотели» [19]. Спорно? Да! Справедливо? Да! «Finaz.ru» от 27.06.2018 в материале «Половина российских ученых заявили о желании эмигрировать» сообщает об исследовании BCG (Boston Consulting Group), согласно которому (24 тысячи респондентов. – *Авт.*) «хотят поработать за рубежом 50 % российских ученых, 52 % топ-менеджеров, 54 % IT-специалистов; к ним готовы присоединиться 49 % работников инженерных специальностей и 46 % врачей, 57 % из них молодые люди в возрасте до 30 лет; в среде студентов (до 21 года) доля еще выше и достигает 59 %. В качестве причин отъезда люди называют высокую зарплату, приобретение трудового опыта, высокий уровень жизни и расширение карьерных возможностей. В топ-10 факторов также попали «экономическая нестабильность в родной стране» и «высокое качество государственных услуг» за границей, в том числе в сферах здравоохранения, образования и ухода за детьми [20].

Перечисленные ценности, занявшие «верхние этажи» по сравнению с ценностью мысли о том, что «работать нужно для своего народа, для своей страны» и есть реальные инверсии, порожденные матрицей, о которой писалось выше. В основании этой матрицы лежит противоречие, сложившееся и культивируемое с 1980-х гг. Запад плох? Да! Запад порочен? Да! Но мы будем его копировать? Да!!! И сегодняшние разговоры о величии России, «духовных скрепах», подкрепляемые мощной волной пропагандистско-реального военного прогресса, не очень утешают. Они не решают противоречие, а еще более «кособочат» его [21]. Могут ли образовательные и воспитательные практики в реальном российском образовательном пространстве что-то противопоставить этой матрице и предложить алгоритмы снятия сформулированного выше противоречия?

Заключение. Вопрос приобретает риторический характер, если это противоречие, в основании которого лежит сознательно проводимая сегодня государственная политика в области воспитания-образования. Однако история России, как, впрочем, и других национальных сообществ, знает примеры экосистем «воспитание-образование», парадиг-

мальные основания которых были достаточными для воспроизводства патриотизма как социально-ценностного феномена. «Самодержавие, православие, народность» графа Уварова или «Свобода, равенство, братство» Великой французской революции или «Билль о правах», столь почитаемый американцами, даже ноуменальные теории типа «всесторонне развитой личности» – все они были конструктами, в которых фиксировалось отношение гражданина и государства как изначального единства. Глобализация потребовала другой экосферы и, соответственно, других оснований для ее формирования. Инверсии разрушили иерархию ценностей «традиционного общества» советского образца и советского образования-воспитания. И пока нет технологий формирования новой экосистемы, в которой инверсии или «погаснут», или создадут новую иерархию. Возможно, ее основаниями станут «культура, свобода, идентичность» или «церковь (вера), армия (*ordnung*), национализм (национальная идентичность)» или «глобализация, космополитизм, трансгуманизм» или «что-то еще»? Приходится признать одно: сегодня мы остановились на рубеже, за которым начинается надежда на новую Россию. И это третий вывод, который можно сделать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рунг Э. В. Понятие «Патриотизм» и его древнегреческие коннотации [Электронный ресурс]. – URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1138430130/Rung_Patriotism.pdf (дата обращения: 22.06.2018).
2. Лебедев А. А., Коханова Л. А. Понятие «патриотизм» в современном прочтении: этимология и семантика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12, №1. – С. 29–34
3. Косенко Т. С., Власюк Н. Н. Россия: в поисках ценностной основы воспитания // Философия образования. – 2015. – № 6(63). – С. 127–134.
4. Kahue J. Middaugh E is patriotism Good for Democracy? // Phi Delta Kappan. – 2006. – April, vol. 87, № 8. – P. 600–607.
5. Коршунова О. Н., Шульгин А. А. Концепт патриотизма в постсоветской России: к постановке проблемы // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16, № 23. – С. 288–291.
6. Лебедев Л. А. Патриотизм [Электронный ресурс]. – URL: http://samlib.ru/l/lebedew_la/patriotizm.shtml (дата обращения: 22.06.2018).
7. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – 360 с.
8. Кириллов В. Взгляд из русской провинции // Советская Россия. – 2016. – 30 дек.
9. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. – М.: Синдбад, 2016. – 520 с.
10. Медзвелья Е. Н. Грузинское кино как эстетическая ценность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 3(65). – С. 85–89.
11. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. – Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие пророки. – 448 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2014. – 231 с.

13. Севостьянов Д. А., Гайнанова А. Р. Символическая природа ценностей // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 2. – С. 132–139.
14. Орешкин Д. Восприятие террора // Новая газета. Среда. – № 59. – 06.06.2018.
15. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: София: Гениус, 2002. – 640 с.
16. Клемантович И. П. Любовь в семье как моральная и культурная ценность // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». – 2016. – № 5. – С. 659–661.
17. Фромм Э. Искусство любить. – М.: АСТ: Neoclassic, 2016. – 65 с.
18. Кириллов В. Взгляд из русской провинции [Электронный ресурс] // Советская Россия. – № 145. – 30.12.2016. – URL: [http://www.imrussia.org/stories\(Projects\)Patriotism_2/boris-bruk_understanding-patriotism_RUS.pdf](http://www.imrussia.org/stories(Projects)Patriotism_2/boris-bruk_understanding-patriotism_RUS.pdf) (дата обращения: 22.06.2018).
19. Беседин П. А. Шлюхи кто? // Московский комсомолец. – № 27 717. – 29 июня 2018 г.
20. Finaz.ru от 27.06.2018 Коннотации [Электронный ресурс]. – URL: www.finaz.ru/novosti/aktsii (дата обращения: 30.06.2018).
21. Черных С. И. Экосистема образования в условиях цифровых технологий // Современные тенденции развития системы образования: материалы Междунар. науч.-практ. конференции (Чебоксары, 28 марта 2018 г.). – Чебоксары: Сфера, 2018. – С. 251–254.

REFERENCES

1. Runge E. V. *The concept of «Patriotism» and its ancient Greek connotations*. Available at: https://kpfu.ru/staff_files/F1138430130/Rung_Patriotism.pdf (accessed June 22, 2018). (In Russian)
2. Lebedev A. A., Kokhanova L. A. The concept of «patriotism» in modern interpretation: etymology and semantics. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2015, vol. 12, no. 1, pp. 29–34. (In Russian)
3. Kosenko T. S., Vlasjuk N. N. Russia: in search of the value basis of upbringing. *Philosophy of Education*, 2015, no. 6(63), pp. 127–134. (In Russian)
4. Kahue J., Middaugh E. Is patriotism good for democracy? *Phi Delta Kappan*, 2006, April, vol. 87, no. 8, pp. 600–607.
5. Korshunova O. N., Shulgin A. A. The concept of patriotism in post-soviet Russia: to the formulation of the problem. *Bulletin of the Kazan Technological University*, 2013, vol. 16, no. 23, pp. 288–291. (In Russian)
6. Lebedev L. A. *Patriotism*. Available at: http://samlib.ru/l/lebedew_la/patriotizm.shtml (accessed June 22, 2018). (In Russian)
7. Kagan M. S. *Human activity (Experience of system analysis)*. Moscow: Politizdat Publ., 1974, 360 p. (In Russian)
8. Kirillov V. A glance from the Russian province. *Soviet Russia*, 2016, December 30. (In Russian)
9. Harari Yu. N. *Sapiens. A Brief History of Mankind*. Transl. from English. Moscow: Sinbad Publ., 2016, 520 p. (In Russian)
10. Medzveliya Ye. N. Georgian cinema as an aesthetic value. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2015, no. 3(65), pp. 85–89. (In Russian)
11. Popper K. *Open society and its enemies*. Moscow: Phoenix: Cultural Initiative Publ., 1992. Vol. 2. Time of the false prophets: Hegel, Marx and other prophets. (In Russian)
12. Fromm E. *Flight from freedom*. Moscow: AST Publ., 2014. (In Russian)
13. Sevostyanov D. A., Gaynanova A. R. The symbolic nature of values. *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 132–139. (In Russian)
14. Oreshkin D. Perception of Terror. *Novaya Gazeta. Wednesday*, no. 59, 06.06.2018. (In Russian)
15. Rybakov B. A. *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Sofia: Genius Publ., 2002. (In Russian)

16. **Klemantovich I. P.** Love in the family as a moral and cultural value. Collection of materials of the Annual International Scientific and Practical conference «*Education and Teaching of Younger Children*», 2016, no. 5, pp. 659–661. (In Russian)
17. **Fromm E.** *The art of love*. Moscow: AST: Neoclassic Publ., 2016. (In Russian)
18. **Kirillov V.** A glance from the Russian province. *Soviet Russia*, no. 145, 30.12.2016. Available at: [http://www.imrussia.org/stories\(Projects\)Patriotism_2/boris-bruk_understanding-patriotism_RUS.pdf](http://www.imrussia.org/stories(Projects)Patriotism_2/boris-bruk_understanding-patriotism_RUS.pdf) (accessed June 22, 2013). (In Russian)
19. **Besedin P. A.** Who are the whores? *Moscow's comsomolets*, no. 27 717, June 29, 2018.
20. **Finaz.ru** from 06.27.2018 *Connotations*. Available at: www.finaz.ru/novosti/aktsii (accessed June 30, 2013).
21. **Chernykh S. I.** Ecosystem of education in the conditions of digital technologies. *Current trends in the development of the education system*: materials of the Intern. scientific-practical conference (Cheboksary, March 28, 2018). Cheboksary: Sfera Publ., 2018, pp. 251–254. (In Russian)

Accepted by the editors July 09, 2018

Принята редакцией: 09.07.2018